

«ПРОВИНЦИЯ»: ОПЫТ ИСТОРИОГРАФИИ

Л.О. Зайонц

Один из ключевых вопросов, вот уже десять лет занимающий исследователей, представленных в настоящем издании, — вопрос о сущности того культурного явления, которое вошло в наш язык со словом *провинция*: в чем его специфика, какую ментальную парадигму оно обслуживает, является ли провинция только эмпирическим объектом или мы можем говорить о ней как о культурном тексте, обладающем неким общим смыслом.¹ Между тем, каждый из этих вопросов неизбежно зависает, если не попытаться разобраться в истории самого слова. В современном языке *провинция* – понятие, трудно поддающееся определению: слишком широк спектр связанных с ним исторических и культурных коннотаций. Вместе с тем, смысл его обычно предельно ясен, поскольку само оно уже давно перешло в разряд дефиниций. Эта определенность слова, с одной стороны, и невероятная семантическая емкость, с другой, заставляет задуматься о его лингвистической природе: что значит слово *провинция*? В чем суть его “универсального” характера? Почему именно оно и его производные, а не близкие по значению *область*, *периферия* или *губерния* становится носителем всем понятной сегодня пространственной и культурной специфики? Ответы на эти вопросы следует искать, как представляется, в особенностях словоупотребления, в речевой и лексикографической практике предшествующих эпох, реконструировав, т.о., историю бытования слова в русской культуре.²

Слово *провинция* попадает в Россию в конце XVII в. как калька с польского *provincja*, т.е., воеводство, губерния. Первое официальное употребление зафиксировано в договоре Петра I с маркизом Кармартеном от 16 апреля 1698 г., где, говоря о своем намерении разводить в России “никоциан”, бывшее Казанское царство он называет *провинцией Казанской*,³ используя слово как подходящий к случаю неологизм. Однако уже в 1699 г. Указом от 27 октября “О составлении купцам, как и в других государствах, торговых компаний, о расписании городов по торговым делам на провинции, с подчинением малых городов главному Провинциальному городу...” Петр объявляет *провинциями* три области с центрами в Новгороде, Астрахани и Пскове: “Учинить провинции к Великому Новгороду, ко Пскову и к Астрахани и к иным таким

¹ Несколько лет назад изучению этого круга проблем был посвящен специальный международный проект «Провинциальный текст русской культуры», объединивший филологов, историков, антропологов, фольклористов, культурологов. В рамках проекта была задумана серия «провинциальных» конференций, проходивших в Твери (1997, 1998, 2001), Ельце (1999), Перми (2000), Бергамо (Италия, 2001) и на Волге (речной маршрут Москва – Плес – Москва, 2001). Материалы конференций опубликованы в изданиях: “Русская провинция: миф – текст – реальность” (М.- СПб., 2000. Сост.: А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян); “Провинция: поведенческие сценарии и культурные роли. Круглый стол 4 июля 2000 г., Пермь” (М., 2000. Сост.: В.В. Абашеев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян); “Провинция как реальность и объект осмысления” (Тверь, 2001. Сост.: А.Ф. Белоусов, М.В. Строганов); *Russian Literature* “Provincija” (LIII-II/III, 2003, Amsterdam), *Europa Orientalis* (XXII/2003: 1, Salerno), «Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты» (М., 2004. Отв. ред. Л.О. Зайонц, сост.: В.В. Абашеев, А.Ф. Белоусов, Т.В. Цивьян).

² Статья обобщает материалы предыдущих публикаций: «“Провинция” как термин» (Русская провинция: миф – текст – реальность, с. 12-19); «Провинция: семантика и культурный контекст (вторая половина 19 века)» (*Europa Orientalis*, с. 33-41); «История понятия и слова *провинция* в русской культуре» (*Russian Literature*, с. 307-330), «Русский провинциальный “миф” (к проблеме культурной типологии)» (Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты, с. 427-456).

³ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб. 1887. Т. I. С. 251.

городам малые города и уезды приписать”.⁴ Казань в этот список не входит, т.к. предложенное Петром деление на этот раз носит системный характер: термином *провинция* закреплялся новый торгово-экономический статус областей. Главная цель Петра – обеспечение централизованного надзора за торговлей и промышленностью, а также регулярных денежных поступлений в государственную казну. 1699 г. неслаучаен: в 1698 г. Петр возвращается с Великим посольством из Европы и после подавления стрелецких бунтов приступает к работе. Указ о провинциях – в числе первых и, что называется, по горячим следам. В качестве образца принимается шведская система и ее органы управления: сбором казенной прибыли в столице ведал Бурмистрская палата (Ратуша), с ней взаимодействуют главы областной общественной власти – провинциальные бурмистры, им же подчиняются бурмистры приписанных к той или иной провинции городов.⁵

Первым русским словарем, легализовавшим новое слово, становится рукописный “Лексикон вокабулам новым”, составленный Петром в 1710-х годах. Именно в нем провинцией называется воеводство или губерния. Там же впервые появляется и слово *провинциал*, означающее владельца провинции, ср.: “По присланной ведомости от Сибирского провинциала <...> уведомлясь...”⁶, или чиновника провинциального ведомства: “О всех оных делах (о которых Фискалы должны проводывать тайно и явно) <...> Провинциал-Фискалу писать к Обер-Фискалу со товарищи, а ему доносить в Сенат”.⁷

Однако через несколько лет потребуется более радикальная территориальная реформа, способная охватить государство в целом. В самом нач. XVIII в. Петр задумывает такую реформу, главная задача которой состояла бы в полной замене бытовой географической области административной единицей.

Сложность проекта заключалась в том, что Россия все еще продолжала оставаться Московской Русью со всеми своими национальными и культурно-бытовыми реалиями. В делах управления во главе угла по-прежнему стоял *обычай* – руководящая надгосударственная сила, не нуждавшаяся в тотальной государственной опеке и тем более практике европейского законодательства. Формула “так повелось от предков” была достаточным аргументом для решения спорных вопросов. Государственные учреждения XVII в. все еще сохраняли следы своего вотчинного происхождения, где критерием истины была вековая практика, а непререкаемым авторитетом вотчинник, воевода или царский наместник. Такие учреждения не имели писаных уставов и регламентов. В нач. XVIII в. Петр I издает целый ворох законодательных актов, регламентирующих деятельность государственных учреждений (их состав, круг обязанностей, программу и порядок взаимодействия с населением и начальством и т.д.) Это внешняя сторона. По сути же, заменяя *обычай законом*, он в корне меняет концепцию наместничества (прежде область отдавалась наместнику или воеводе в так называемое *кормление*, он посылался в область *покормиться*, т.е. распорядиться ею в свою пользу, пусть даже и исполняя государственную службу)⁸.

В 1708 г. Именным указом Россия делится на губернии и создается институт губернаторов⁹ (понятие *губерния* Петр I переводит для себя как “управление над

⁴ Полное собрание законов Российской империи. СПб. 1830. Т. III. № 1706. Далее: П.С.З. с указанием тома и номера.

⁵ П.С.З. III, 1674, 1675, 1718.

⁶ П.С.З. V, 3275.

⁷ П.С.З. V, 2786.

⁸ См.: Котошихин Г. “О России в царствование Алексея Михайловича”. Текст сочинения, гл. I, II и XIII с примечаниями, история памятника, биография автора. СПб. 1913.

⁹ П.С.З. IV, 2218.

частью государства”¹⁰). Петровский губернатор – это чиновник, который управляет областью и получает за это государственное жалование. Губернаторство становится назначением, управление областью – служебной обязанностью. Эта реформа, по словам одного из ее исследователей, предполагала “область не бытовую, а искусственную <...>, с которой сношения центральной власти были бы наиболее облегчены”.¹¹ Область, т.о., начинает функционировать как административно-территориальная единица на общих с другими областями законных основаниях. Подобная организация, по мысли Петра, должна была предельно упростить учет государственных средств, контроль над деятельностью областных правителей, взаимодействие властей всех уровней и проч.

Итак, Россия была разделена Петром I на 8 губерний: Московскую, Ингерманландскую (с 1710 г. Санкт-Петербургскую), Киевскую, Смоленскую, Казанскую, Архангелогородскую, Азовскую и Сибирскую (с центром в Тобольске). Областная иерархия в 1708 г. выглядела следующим образом:

ГУБЕРНИЯ (ОБЛАСТЬ) – административная единица, состоящая из губернского города (административного центра) и подчиненных ему (приписанных) городов.

УЕЗД – подразделение губернии, район, складывающийся вокруг каждого города. Название, по предположению историков, происходит от представления об участке земли, который “уехан” или “заехан”, т.е. примежеван к определенному месту. Уезд административно приравнялся к городу.¹²

В 1710-х гг. идет процесс дробления административных областей – более обширные начинают распадаться на ряд более мелких. И для облегчения взаимодействий между губернией и многочисленными городами специальным Именным Указом от 29 мая 1719 г. города Российской империи “расписываются” по провинциям.¹³ Провинция учреждается как связующее звено между губернией и уездом, а вместо уезда вводится *дистрикт*. Заимствованный из шведской системы дистрикт был округом, в котором собиралась подушная подать на расквартированную в нем военную часть. Число дистриктов в империи соответствовало числу полков армии. Однако к определенным городским центрам они не тянули, и совершенно не совпадали с прежними границами уездов.¹⁴ Что же касается провинций, то они существовали и до 1719 г., т.к. продолжало действовать учрежденное для торговых целей деление 1699 г. Но систематического характера оно не носило и официально, т.е. Именным Сенатским Указом, утверждено не было.

Последней петровской реформой, проведенной уже после его смерти в 1727 г., был восстановлен уезд и упразднен дистрикт и сформулирован иерархический принцип взаимодействия губернии, провинции и уезда. Губерния могла состоять из одной (как, например, Астраханская, Смоленская, Ревельская, Киевская) или нескольких провинций, провинция из уездов. Уезды в свою очередь делились на волости (по более мелким городам). Однако “по иронии судьбы именно все, что <...> явилось продуктом совместной работы Петра I и его сподвижников, погибло почти бесследно, а бессистемные меры первоначального устройства местного управления сохранились вплоть до екатерининских времен”.¹⁵

¹⁰ Смирнов Н. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. С.-Пб., 1910. С. 97.

¹¹ Мрочек-Дроздовский П. Областное управление России XVIII века до учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. М. 1876. С. 18.

¹² См.: Градовский А.Д. История местного управления в России. Т. I: Уезд Московского государства. СПб. 1868. С. 359-360; Неволин К.А.. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке, с приложением карты. СПб. 1853. С. 112.

¹³ П.С.З. V, 3378, 3380.

¹⁴ Готье Ю. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. М. 1913. Т. I. С. 103-104.

¹⁵ Григорьев В.Н. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб. 1910. С. 55.

Итак, началом официальной провинциальной историографии можно считать петровскую реформу 1719-1727 гг., когда провинция из бытовой или торгово-экономической области превращается в административное звено местной иерархии. Учреждение официального статуса провинции вполне можно считать началом формирования того культурного феномена, который сегодня мы условно называем “провинциальным текстом русской культуры”. В петровскую и постпетровскую эпоху алгоритм его будет задан серией нормативных актов, предписывавших каждому из областных подразделений, в том числе губернским, провинциальным и уездным центрам, подобающий ему “штиль” – от градостроительства до деталей интерьера. Так, в Полном собрании законов можно найти подробнейшим образом выполненные чертежи домов для генерал-губернатора, губернатора и вице-губернатора, а также зданий, предназначенных для различных казенных ведомств. В 1749 г. Сенат утвердит представленный камер-коллегией проект, регламентирующий даже размер и количество комнат, по которому в губернских городах “предписывалось строить для губернаторов с их фамилиями 8 покоев, в том числе, чтобы были промежду углов зал 10 аршин, прочие же покои от 8 до 6 аршин, их людям свободных 3 или 2 избы, промежду углов 9 аршин, поварня с хлебной печью, промежду углов 8 аршин” и т.д. Так же подробно были регламентированы размеры построек на воеводских дворах в провинциях и в уездных городах. Тут надворные постройки должны были быть несколько меньше губернских, а для жилья провинциальным воеводам полагалось 5 покоев, городовым – 4 и т.д.¹⁶

Подобного рода инструкции, разумеется, были нововведением и своеобразным экспериментом. Свою империю Петр I мыслил как действующую лабораторию: областные территории выделялись ему чем-то вроде полигонов для культурных, экономических и социальных опытов. Одним из таких опытов был, например, Указ от 8 февраля 1716 г. епархиальным начальникам, духовным судьям и поповским старостам: им было вменено в обязанность подавать “именные росписи” лиц, не бывавших на исповеди и у святого причастия, в губернских городах – губернаторам, в уездных – ландратам, “и на тех людей класть штрафы, а потом им ту исповедь исполнить же”.¹⁷ Эксперимент, правда, не прижился. Однако нечто подобное, и как явный отголосок петровских реформ, можно найти в деятельности екатерининских комиссий: в 1766 г. с целью наведения порядка на местах появляется проект Наказа от главной полиции, по которому “пороки полицейских служителей должны сокрыты быть, дабы публика доверенности к оным не лишилась...”. При этом отмечалось, что “лицемеры <...> и обманщики суть самые ближние большим порокам <...> они-то суть опаснейшие и яко с цепей спущенные во общество звери; полиция наказывает их”, а кроме того — регламентирует посещение церкви, расходы обывателей, их одежду, выезды и увеселения; разрешает собрания в частных домах, устанавливает цены на товары и т.п.¹⁸ Видимо, этот проект, если не полностью, то частично был впоследствии учтен Екатериной II в ее областной реформе 1775 г., о которой кн. Дашкова писала: “Но что главнее всего, императрица (не забывая меткой старой русской пословицы: “до Бога высоко, до царя далеко”) учредила местные суды и полицию, и тем обеспечила народное доверие и спокойствие”.¹⁹

Результатом еще одного провинциального проекта можно считать и учреждение в Санкт-Петербурге Кунсткамеры: специальным Указом от 13 февраля 1718 г. “О порядке выдачи наградений за приносимых уродов из царства животных” Петр I

¹⁶ П.С.З. XIII, 9662. Ср. со столь же скрупулезным описанием своей усадьбы в 1750 г. А.Т.Болотова, с приложением рисунка и плана внутреннего устройства. См.: Записки Андрея Тимофеевича Болотова. 1738-1794. СПб. Т. I. С. 151-154.

¹⁷ П.С.З. V, 2991.

¹⁸ Сб. Рус. Ист. Общ. СПб. 1885. Т. XLIII. СС. 299, 302, 303-362.

¹⁹ Записки княгини Е.Р. Дашковой, писанные ею самою. Лондон. 1859. С. 208-209.

обязал губернаторов и уездных комендантов давать денег по указу всем, кто представит в уездный или губернский город “какой монструм или урода человечья”, а также другие необыкновенные вещи. “Вышереченные уроды <...> когда умрут, класть в спирты; буде же того нет, то вдвойне, а по нужде в простое вино и закрыть крепко дабы не испортилось<...> Места, куда оные монстры и вещи отсылать – две аптеки, Московская и Петербургская”.²⁰ Указ выполнялся неукоснительно. Проект, рассчитанный на десятилетия. И чудесным образом осуществленный.

Особой статьей в официальной жизни российских провинций становится организация монарших шествий по стране, будь то вояжи Елизаветы Петровны из Москвы в Петербург и обратно или грандиозное шествие Екатерины II к югу России в 1787 г. В XVIII в. вырабатывается устойчивый сценарий таких акций с писаными и неписаными правилами. По писаным – всем губернаторам и комендантам по маршруту следования высылались подробные инструкции, что и в каком количестве им надлежит обеспечить (сюда входило: приведение в порядок всех стоящих по дороге дворцов, организация сменных подвод, лошадей, починка дорог, удаление с дороги в дальние села больных оспой и корью и проч.).²¹ По неписаным – вдоль всего маршрута необходимо было выставить нужные “декорации” (фасады и общий вид придорожного пейзажа), а также обеспечить “массовку” (толпы ликующих подданных). Л.-Ф. Сегюр, французский дипломат, сопровождавший в числе прочих Екатерину II в ее путешествии на юг России, отмечал, что «путешествия двора нисколько не походят на обыкновенные путешествия, когда едешь один и видишь людей, страну, обычаи в их настоящем виде. Сопровождая монарха, встречаешь всюду искусственность, подделки, украшения...»²² Динамика этой социокультурной модели прослеживается вплоть до наших дней.

1775 г. становится поворотным моментом в истории провинции XVIII в.

Екатерина II издает свой главный областной проект – “Учреждения для управления губерний Всероссийския империи”, согласно которому провинция исключается из системы областной иерархии и как административно-территориальное подразделение прекращает свое существование.

Едва взойдя на престол, Екатерина созывает Комиссию по сочинению проекта Нового уложения. Один из главных его пунктов – новая областная реформа. Тому было несколько причин, из которых выделим две, наиболее для нас существенные. Первая состояла в неравномерном заселении административных территорий одного уровня. В 1768 г. Сенат представляет подробно разработанный план изменения всего поуездного деления империи, основанного на принципе равенства жителей в уезде. Общая ситуация была такова, что население, например, Московской губернии составляло 2,5 млн. человек, а Архангельской – 0,5 млн. человек и так повсеместно. При этом в докладе Сената указывалось на желательность уменьшения площади губерний и, соответственно, увеличение их числа, т.к. “некоторые из существующих губерний чрезвычайно велики и вследствие этого неудобны для управления”.²³ Екатерина определила количество населения для губерний в 300-400 тыс. и для уездов в 20-30 тыс. человек. При таком делении провинция как промежуточное звено оказывалась лишней. Территории же провинций в большинстве случаев соответствовали предписанным размерам новых губерний (наместничеств), так что особенно перекраивать империю не пришлось: наместничества были образованы из одной или нескольких провинций. В конце XVIII в. старые провинции кое-где еще продолжали

²⁰ П.С.З. V, 3159, 3160.

²¹ Готье Ю. Указ. соч. Т. I. С. 375-376. См. также: Путешествие Ея Императорского Величества в полуденный край России, предприимлемое в 1787 г. СПб., 1786.

²² Сегюр Л.-Ф. Записки о пребывании в России в царствование Екатерины II (1785-1789) // Россия XVIII века глазами иностранцев. Л., 1989. С. 402

²³ Готье Ю. Указ. соч. Т. II. С. 225.

существовать, процесс переформирования тянулся несколько десятилетий. Но официально их не было. Примерно в это же время слово *провинция* начинает исчезать с атласов империи, и к XIX в. представление о его связи с конкретным географическим и топографическим пространством постепенно стирается.

Вторая причина, побудившая Екатерину заняться реформой, заключалась в необходимости изменения самой системы государственного управления, органов и состава местной власти.

В 1762 г. Петр III издает “Манифест о вольности дворянской”, в результате чего освобожденные от обязательной службы дворяне разъезжаются по своим деревням. С этого момента в поместьях начинает проходить большая часть их жизни. Екатерина, планировавшая привлечь дворян к управлению государством, предлагает им и представителям других сословий передавать в Комиссию свои пожелания и прожекты – “наказы” – о способах изменения и улучшения государственного устройства.²⁴ Сталкиваясь с несовершенством уездной бюрократии, дворянство заявляет о своей готовности взять на себя бразды местного правления. Правительственные органы власти было предложено в наказах заменить выборными. В 1766 г. Екатерина издает указ от 14 декабря о выборах местного Предводителя дворянства. По уездам создаются первые дворянские общества и начинают складываться общественные органы власти. Вскоре она легализует их и введет земских представителей в состав, практически, всех местных государственных представительств. Т.о., императрица “до известной степени удовлетворила желания дворянства <...> Насколько реальны были в данном случае права и влияние дворянства, вопрос другой, но внешняя сторона отвечала пожеланиям наказов и депутатов Комиссии 1767 г.”.²⁵ Тем не менее, в 1801 г. в своем “Историческом похвальном слове Екатерине II” Карамзин с восторгом будет говорить об этой реформе: “Новое учреждение о губерниях составляет вторую важную эпоху в ее правлении и мало по малу удивительным образом переменило Россию как в умах, так и в нравах”.²⁶

Итак, во второй половине XVIII в. провинция как территория не просто уплотняется - меняется ее контингент, общественный статус и стиль жизни. Перемена была разительной и осознаваемой, о чем свидетельствуют “Записки” А. Болотова: “Правду сказать, и околоток наш был тогда так пуст, что никого из хороших и богатых соседей в близости к нам не было. Тогдашние времена были не таковы, как нынешние. Такого великого множества дворянских домов, повсюду с живущими в них хозяевами, как ныне, тогда нигде не было <...> в деревнях жилали одни только престарелые старики, не могущие более нести службу, или за болезнями и дряхлостью, по какому-нибудь особливому случаю оставленные, и всех таких было не много”.²⁷ В последние десятилетия XVIII в. складывается совершенно особое и новое для России социально-

²⁴ Дворянские наказы, частично опубликованные в Сборнике Русского Исторического Общества, могли бы стать материалом для большого специального исследования. В них представлен, по сути, весь спектр практических и “умственных” интересов провинциального дворянства России второй половины XVIII в. В них же мы впервые сталкиваемся с массовым выплеском текстов “о провинции” и “о провинциалах” не только как с “объектами” культуры, но и как с ее “субъектами”: пред нами уникальный пример самоописания. Достаточно вспомнить цитировавшийся выше Наказ от главной полиции или не менее колоритный Наказ от “благородного дворянства Кадыевского уезда”: “... ныне, по опубликованному прошлого 1765 года указу, дворянству в город вино и водку с собою брать и по выписям возить запрещено. Посему дворянство, имея штаб- и обер-офицерские чины, приехав в город, за неимением при себе домовой водки и вина, принуждены бывают с питейных домов покупать водку и вино, многим с противными и с непристойными специями и запахом; посему дворянство по характерам их видеть принуждены в том себе недостаток. О том доложить Комиссии и от общества дворянства просить Ее Императорского Величества высочайшего дозволения в провозе в города вина и водки для собственного нашего расхода” (Сб. Рус. Ист. Общ. Т. 4. Спб., 1869. С. 351).

²⁵ Григорьев В. Н. Указ. соч. С. 300.

²⁶ Карамзин Н. М. Сочинения. Т. 8. М., 1820. С. 71.

²⁷ Записки Андрея Тимофеевича Болотова. Там же. С. 150

культурное пространство. Оно активно обживается, формируя свой жизненный уклад и соответствующую ему систему ценностей.

Анализируя феномен “русского руссоизма”, Ю.М.Лотман обратил внимание на то, как легко и органично шло усвоение естественной философии Руссо русским обществом конца XVIII - начала 19 вв. Причину он видел во внутренней близости основных положений Руссо с целым комплексом философских идей, сформировавшихся в русской культуре задолго до его появления.²⁸ Между тем, специфика ситуации, сложившейся в русском обществе к 1780-м гг., позволяет, на наш взгляд, найти еще одно объяснение феномену “русского руссоизма”: время проникновения руссоистских идей в Россию исторически совпадает с массовым исходом дворян в свои поместья и началом формирования провинциального жизненного уклада. “Естественная” философия Руссо оказывается для России и своевременной, и актуальной: с одной стороны, она соответствовала образу жизни большей части тогдашнего дворянства, с другой - предлагала философско-просветительское обоснование этой жизни. Благодаря Руссо в сознании образованной части русского общества конца XVIII в. “естественная” деревенская жизнь ассоциировалась, прежде всего, с провинциально-дворянской, постепенно превращаясь из вынужденной в осмысленную и самоценную.

Итак, в 1775 г. более чем полувековая история административной области и термина провинция закончилась. Все пространство России было поделено на губернии и уезды. Почему же в дальнейшем вся онтология этого противопоставленного столице пространства будет ассоциироваться не с губернией и уездом, а с “фантомной” провинцией, отброшенной Екатериной? И почему, в результате, именно это слово вместит в себя целый культурный универсум?

Ответ, как нам представляется, заключен в самой реформе, а именно – в факте упразднения официального статуса провинции в 1775 г. Перестав быть административно-территориальной единицей понятие *провинция* лишается своего референтного значения и, соответственно, перестает функционировать как термин, т.е. теряет свои географические и семантические границы, в отличие от губернии и уезда – слов с фиксированным конкретным значением²⁹. Выйдя за пределы термина, слово *провинция* начинает жить как открытая лексическая форма, порождающая свое текстогенное пространство. Продолжая оставаться в языке, оно ложиться в семантический “дрейф”, постепенно обрастая новыми значениями и трансформируясь в нечто близкое к метафоре, другими словами, обретая способность легко аккумулировать пограничные и пересекающиеся с ним смыслы и вследствие этого использоваться в самом широком семантическом диапазоне. Оторвавшись от прежнего лексического значения, слово *провинция* становится элементом совершенно иной стилистики, законы которой и позволяют ему в дальнейшем вместить в себя, практически, весь смысловой спектр, связанный с представлениями о русской нестоличной культуре.

Однако уловить, и тем более зафиксировать этот момент практически невозможно. И даже если проштудировать литературу этого периода, то с большей или меньшей степенью достоверности можно будет говорить о диапазоне в 20–30 лет. Разумеется, после “Учреждения о губерниях” видимых колебаний семантики в слове

²⁸ Лотман Ю.М. Руссо и русская культура XVIII — начала 19 века // Ю.М. Лотман. Русская литература и культура Просвещения. М. 1998. С. 139-206.

²⁹ Так, например, в одном неоднократно переиздававшемся в XVIII в. словаре под губернией понимается “земское правительство, состоящее из нескольких провинций” (Татищев В. Н. Лексикон Российский исторический, географический и гражданский. Т. I. СПб., 1793. С. 96). То же значение сохраняется за ней вплоть до начала XX в.: “Народ обыкновенно называет Губернией сумму губернских властей – правительственный штат и в переносном смысле место его пребывания” (Березин И. Н. Русский энциклопедический словарь. Отд. I. Т. 5. СПб., 1873–1879. С. 866).

провинция не происходит, еще несколько десятилетий оно по привычке будет использоваться в дореформенном значении, тем более что большинство жителей России было уверено, что Екатерина II просто переименовала провинции в наместничества (как оно в ряде случаев и было)³⁰. Между тем, с конца XVIII и до середины XIX в. изменения, происходящие со словом, настолько очевидны, что могут быть представлены в виде своеобразной семантической изоглоссы. Для ее построения необходим некий нормативный лексический ряд, дающий представление о том, в каком значении слово провинция и его производные закрепляются в русском языке на протяжении этого времени. Такую возможность нам предоставляют словари и лексиконы, объективно фиксирующие изменение семантики того или иного понятия. Словари позволяют выловить слово из языкового процесса в момент, когда оно семантически реализовалось, и смысл его стал общепринятым.

Первый сдвиг в значении, на наш взгляд достаточно симптоматичный, появляется в “Немецко-латинском и русском лексиконе” 1731 г.: нем. Land, лат. terra и regio переводятся в нем не только как страна-земля, но и как область-провинция³¹. Т.о. оказывается, что слово *провинция*, в отличие, например, от губернии, уже к середине XVIII в. воспринимается как семантически более подвижное. На рубеже XVIII-XIX вв. словари отчетливо фиксируют изменение ситуации: в слове *провинция* впервые резко обозначается рельеф. Так, например, в самом авторитетном официальном источнике того времени – Словаре Академии Российской 1793 г. провинция вообще отсутствует.³² Нет ее и в Юридическом словаре 1792 г.³³, где основные политические и экономические термины представлены в контексте законодательной практики конца XVIII в. После достаточно продолжительной паузы слово *провинция* начинает появляться в словарях в самых экзотических переводах. Так в 1798 г. в “Полном латинском лексиконе” Геснера лат. provincia переводится как *звание, должность*. В качестве примера приводится словосочетание provinciam deropere, означающее лишение кого-то достоинства, звания или чина³⁴. Еще через 8 лет, в 1806 г., в “Новом словотолкователе” Николая Яновского впервые со времен Петра I появляется слово *провинциал*, однако не в обновленном варианте, как ожидалось бы, и даже не в “петровском”: “провинциал, - значит в словаре, - между Католическими монахами главный начальник над всеми монастырями своего ордена в своей округе (Провинциал Капуцинов)”.³⁵ Вместе с тем, в том же словаре делается попытка вернуть слову утерянное локальное значение или хотя бы часть его. Однако представление о провинциальной территории оказывается к этому времени уже настолько размытым, что в словаре Яновского слово *провинция* фигурирует как некое общее название для мелких областных подразделений, таких как “уезд (!), округа, окольные села, волости и деревни, подсудные провинциальному городу”. *Провинциальный* в этом же словаре расшифровывается как “уездный, областной, окружный, уезду принадлежащий. Напр., Провинциальный секретарь – чиновник 13 класса”. Из этих не слишком внятных дефиниций ясным становится одно: к началу XIX в. провинцией может называться все, кроме губернии. Провинция и все, что подверстывается под нее, противостоит губернии как разнородная хаотичная периферия регламентированному упорядоченному центру. Наиболее крупные словари

³⁰ Память об этой акции окажется очень устойчивой и продержится вплоть до конца XIX в. Так в словаре В. Ключникова 1878 г. читаем: “В России провинции называются теперь, по указу Екатерины, губерниями” [Всенаучный (энциклопедический) словарь. Сост. В. Ключников. Ч. II. СПб., 1878. “Провинция”].

³¹ <Вейсман Э.> Немецко-латинский и русский лексикон. СПб., 1731. С. 357.

³² Словарь Академии Российской. Ч. IV. Т. “П”. СПб., 1793.

³³ Словарь юридический, или Свод российских узаконений. М., 1792.

³⁴ Полный латинский Геснеров лексикон, содержащий в себе греческие слова с российским переводом... Ч. II. М., 1798. С. 3779.

³⁵ Яновский Н. М. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту... Ч. III. СПб., 1806. С. 459.

этого периода, если и доходят до буквы “П”, то или опускают провинцию, или переводят ее как еще неизвестный в России европеизм. Все вышеперечисленное – уникальное свидетельство того процесса, который можно назвать поиском семантической ниши.

В конце XVIII в. Россию наводняет литература о провинции и для провинции. Однако слова *провинция* и *провинциальный* эту сферу жизни уже или еще не обслуживают и, если встречаются, то лишь в официальных источниках. Между тем, самая разнообразная литература, ориентированная на жизнь дворян в провинции, переживает в эти годы настоящий бум. Это и пособия по ведению сельских работ, организации домашнего хозяйства, устройству быта, гомеопатии и пр., издаваемые в большом количестве Василием Левшиным; это справочные и периодические издания, литературные альманахи и отдельные брошюры, активно “раскручивающие” провинциальную тему. Но без слова *провинция*. На его месте появляется его первый синоним – *деревня*, *деревенский* (или напротив, слово *провинция* становится впоследствии синонимом деревни). Вот перечень некоторых изданий: “Сельской житель, экономическое в пользу деревенских жителей служащее издание” (1778) с подробными рекомендациями, когда подрезать яблоневые деревья, как различать сезон посадки, когда собирать мед с пасеки и т.д., “Городская и деревенская Библиотека” (1781-1786), “Деревенское зеркало, или общенародная книга, сочинена не столько, чтобы ее читать, но чтоб по ней и исполнять” (1798-1799), “Врач деревенский, или благонадежное средство лечить самому себя” (1811), “Деревенская лира, или часы уединения” (1817). В периодических изданиях конца века в изобилии представлены такие тексты как “На отъезд в деревню”, “Мудрец в деревне”, “Призывание в деревню”, “Дворянин в деревне”, “В деревне пробудившийся юноша” и т.п. Безусловно, большая их часть – переводы, и носят они ярко выраженный руссоистский характер, но в данном случае важно другое: руссоизм и традиция деревенской лирики органично вписывались в процесс формирования провинциального дворянского мировоззрения и были востребованы русской культурой именно в эти десятилетия.

Итак, в массовой литературе рубежа XVIII-XIX вв. провинциальный топоним впервые после реформы 1775 г. обретает имя – *деревня*. В это же время постепенно начинает входить в употребление уничижительное значение слова *провинциал*. Этим обстоятельством оно обязано европейским языкам и, в частности, французскому, который с конца XVIII в. активно вошел в повседневную речевую практику образованной части русского общества. Во Французско-русском словаре Ивана Татищева (изд. 1798, 1816, 1824 гг.), *provincial* переводится как “ругательное” название горожанина – “пентюх”, “деревенщина”, ср.: “Il a encore un air de province – он еще деревню пахнет, в нем есть еще нечто грубое, заимствованное из уезда, откуда он приехал”.³⁶ Здесь значение *province* имеет уже отчетливый пейоративный оттенок, впоследствии в русском языке закрепившийся. В художественной литературе этого времени (Сомов, Рылеев, Грибоедов, В. Одоевский, Пушкин, Гоголь), а также в эпистолярных источниках слово *провинция* и его производные используются в достаточно широком смысловом диапазоне: от насмешек в адрес “жалких провинциалов” до хрестоматийного желания “увидеть ясные черты Провинциальной простоты”.

Именно в эти годы начинает складываться культурный образ провинции, и к 1840-м гг. будет сформулирована, пожалуй, ключевая “провинциальная” теза: *провинция* ↔ *столица*. В Словаре церковно-славянского и русского языка 1847 г. весь комплекс производных от провинции форм уже фигурирует как единое понятие с означаемой территорией в виде области или округа (вариант, близкий к *terra*, *Land* и

³⁶ Татищев И. Полный французско-русский словарь, сочиненный по пятому изданию словаря Академии Французской. Т. 3. СПб., 1824. С. 1229.

regio) и культурной идеологией, закрепляющей противостояние провинции и столицы. Эта версия будет канонизирована В. Далем в его Толковом словаре живого великорусского языка (до буквы “П” словарь был окончательно обработан к 1860 г.)³⁷: “Провинция – губерния, область, округ, уезд; провинциял - живущий не в столице, житель губернии, уезда, захолустья”. Характеристика, данная провинции в эти же годы Стасовым в очерке “Две художественные выставки” звучит как прямая цитата из словаря Даля: “Ваши-то все – провинция захолустная, что-то серое, скучное, нелепое, а те – настоящая столица, блеск и торжество”³⁸. Эта антитеза и в таком же контексте уже звучала в массовой литературе конца XVIII в., однако ее руссоистская огласовка давала совершенно иную аксиологию:

На отъезд ея в деревню

Ты будешь, милая, с Руссовой Элоизой,
С злосчастным Вертером, с Аглаей, с бедной Лизой <...>
Твой дух, любезная, всем этим восхищенный,
О шумном городе не будет тосковать -
О городе, где все веселья принужденны,
Без жизни, без души! Где призрак лишь утех;
Где скука тайная грызет сердца у всех...³⁹

К середине XIX в. знаки поменяются местами.

Определение провинции, данное словарем Даля, – первая в XIX в. попытка представить слово в его оформившемся современном значении, нечто вроде первой официальной версии с момента упразднения провинции как административной территории в 1775 г. Однако, если вспомнить, какую область значений начинает захватывать слово *провинция* в нач.XIX в. (а это мир деревни и усадьбы), то нетрудно заметить, что в своей версии Даль использует семантический минимум, т.е. актуализует лишь очевидную и бесспорную для данного исторического момента семантику. Из этого можно заключить, что культурный спектр понятия *провинция* к сер. XIX в. еще не сложился в том объеме, который позволил бы педантичному Далю дать более многозначную дефиницию. Он исходил из актуальной и идеологически выверенной модели, которая при необходимости могла бы стать общим знаменателем для любого последующего определения – это значение *государственной территории*, располагающейся вне столиц и объединяющей собою все подразделения областной иерархии от губернии до уезда.

Т.о., за полвека в семантике слова происходит в буквальном смысле переворот: если когда-то провинция понималась как составная часть губернии, позже – вовсе была исключена из этой парадигмы, то теперь вся областная иерархия растворяется в едином провинциальном пространстве. Империя разделяется на столицу и провинцию. Все пространство России за исключением двух столиц осознается и обозначается как провинция.

Между тем, реальное словоупотребление дает совершенно иную картину, обнаруживающую существенное расхождение между словарно-нормативным и литературно-языковым значением слова. В этом, как представляется, состоит главный нерв той трансформации, какую понятие *провинция* претерпевает во второй половине XIX в.

Если рубеж XVIII–XIX вв. в истории слова можно условно назвать периодом семантического дрейфа, то вторая половина века становится периодом поиска и

³⁷ См.: Мельников П. Критико-биографический очерк // Даль В. И. ПСС. Т. I. СПб., 1897. С. LXVI.

³⁸ Стасов В.В. Две художественные выставки // Стасов В. В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в книжные издания. Т. I. М., 1952. С. 39.

³⁹ “Приятное и полезное препровождение времени”. XV. М., 1797. С. 238–239.

освоения культурного контекста. Согласно определению Даля, провинцией может называться и губерния, и уезд, и округ, и – все вместе. В привычном территориальном смысле так оно и есть, тогда как лексико-семантическое пространство понятия представляется значительно более дифференцированным. Если обратиться к литературным источникам XIX в., можно заметить, что прилагательные, а точнее, определения *губернский*, *провинциальный* и *уездный* стягивают вокруг себя различные лексико-семантические группы. Эти группы сопровождающей лексики состоят из наиболее часто употребляемых с данными прилагательными понятий и слов:

ГУБЕРНСКОЕ – начальство, правление, училищный совет, казначейство, суд, прокурор, архив, “Ведомости”;

УЕЗДНОЕ – город, училище, исправник, писарь, барышня, сплетни, трактир;

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ – общество, сознание, чтения, собрания, Собор (съезд духовенства), издание, публика, театр, манеры, нравы, мнение, вкус, интеллигенция.

(Своеобразным индикатором может служить Словарь языка А. С. Пушкина, дающий, фактически, ту же картину:

губернское – батальон, тракт, начальство, чиновники, землемер, город, фейворок <фейерверк>;

уездное – городишко, лекарь, барышни, франтик Петушков, матушки, красавицы;

провинциальное – семейства, застенчивость, простота, чопорность, вежливость).

Перед нами три совершенно разные культурные модели: губернский дискурс покрывает сферу государственно-административных понятий, уездный – частно-бытовых, провинциальный – коммуникативных, общекультурных и духовных. Т.о., примерно с сер. XIX в. слово *провинция* и его производные начинают использоваться для обозначения широкого, но вполне определенного культурного континуума. Возможно, как раз с его освоением связана высокая семантическая валентность слова. В этом можно убедиться, с легкостью подставив эпитет *провинциальный* к любому понятию из сферы губернского или уездного, и мы получим не менее распространенные словосочетания, например: провинциальный писарь, “Провинциальные ведомости”, провинциальный город, провинциальная барышня, провинциальный чиновник, провинциальное казначейство и т.д.; обратная операция в большинстве случаев чревата стилистическими ляпами: губернский Собор, губернская застенчивость, уездные чтения, уездная вежливость, губернские семейства, уездное сознание и т.д. Вполне вероятно, что в определении Даля, где *провинция* фигурирует в роли объединяющего, собирательного термина, отразилась как раз эта тенденция – развивающаяся способность слова аккумулировать пограничные смысловые поля.

Позволим себе предположить, что благодаря именно *этой* особенности ко второй половине XIX в. у слова *провинция* формируется своя специфическая литературная среда обитания. В первую очередь и, безусловно, это художественная литература, со страниц которой в 20-30-е гг. XIX в. это слово с еще не вполне устоявшимся, скользящим значением было экспортировано в иные жанры словесности и массовую культуру. В системе художественной поэтики слово прижилось очень скоро, поскольку обладало подвижной семантикой и открытой смысловой формой. Художественная литература XIX в. обеспечила слову *провинция* невероятный тираж, благодаря чему за столетие оно прошло путь, несколько утрируя, от аморфной лексемы до “литературного жанра” (провинциальный роман, губернские очерки, провинциальные письма, записки провинциала). Это была наиболее органичная среда для лексемы такого рода, среда живительная, во всех смыслах способствующая росту ее “популяции”. Однако думается, именно по этой причине в этой области никаких

неожиданных или качественных метаморфоз со словом *провинция* в XIX в. не происходит, оно просто разрастается до “литературной традиции” – от повестей Загоскина и Гоголя, Елены Ган и сестер Хвощинских до Салтыкова-Щедрина, Чехова и Сологуба.

Совсем по-иному обстоит дело с литературными сферами далекими от изящной словесности. В сфере официального словоупотребления с понятием *провинция*, прежде всего, соотносилось в эти годы значение областного пространства России, о чем, вслед за Далем, также свидетельствуют многочисленные словари.⁴⁰ В поисках иллюстрирующего материала мы обратились к географическим обзорам, статистическим описаниям губерний, топографическим справочникам и этнографическим отчетам. Результат был неожиданным: оказалось, что в текстах такого рода понятия *провинция*, *провинциальный*, *провинциалы*, *провинциальность*, фактически, не используются. Иными словами, гуманитарная сфера, которую по логике вещей эти слова должны были бы обслуживать, в свой лексикон их не приняла.

41

Момент очень важный. Он означает, что ко второй пол. XIX в., а точнее, к 1860-м гг., слово вышло за пределы своей грамматической функции – простого определения – и срослось с поэтической – стало эпитетом, т.е. приобрело устойчивую эмоциональную и стилистическую окраску (этим оно, конечно, было обязано художественной литературе, где прошло путь своеобразной инициации). Поэтому, несмотря на его словарное значение, слово *провинция* уже не годилось для строгих научных или статистических описаний, т.к. могло привнести в текст неуместный эмоциональный акцент.

Зато оно оказалось востребованным в сочинениях иного рода, расцветом которых ознаменована вторая половина XIX в. Это публицистика, журналистика и критика. Особый интерес представляют в эти годы, прежде всего, “Губернские ведомости” и особенно отпочковавшиеся от них впоследствии независимые периодические издания, как, например, “Нижегородский справочный листок”, “Саратовский листок”, “Амур”, “Век”, “Волга”, “Воронежский телеграф” и др. В 1850-е гг. начинает появляться огромное количество отдельных местных изданий, книжек и брошюр, которые напоминают такую печатную кавалерию, отряд “моментального реагирования” – т.е. всевозможные отклики на самые животрепещущие вопросы политической, общественной и культурной жизни. С развитием именно этой литературной продукции и связано формирование того особого культурного контекста, о котором шла речь выше, и благодаря которому начинает прочерчиваться четкая смысловая и стилистическая граница между понятиями “губернский”, “уездный” и “провинциальный”.

Эмоциональная окраска и социальный подтекст, которыми к этому времени уже оснащено слово *провинция*, оказываются в этой литературно-общественной среде как нельзя более кстати. В публицистике 1860-1870-х гг. разворачивается полемика о культурной роли провинции. Провинциальная печать начинает кампанию за право провинции на самоопределение. Ее апогеем можно считать спор, разгоревшийся в середине 70-х гг. между известным публицистом Д. Л. Мордовцевым и редактором “Нижегородских губ. Ведомостей”, историком и общественным деятелем А. С. Гациским. Спор во многих отношениях примечательный, фиксирующий изменение речевой интонации и новый функциональный статус слова *провинция*: и то, и другое

⁴⁰ См.: Справочный энциклопедический словарь А.Старчевского, 1854, Словотолкователь 30.000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка, 1871, Всенаучный словарь С. Ключникова, 1878, Справочный словарь орографический, этимологический и толковый Русского Литературного языка, 1901.

⁴¹ См. подробнее: *Зайонц Л.О.* История понятия и слова *провинция* в русской культуре // *Russian Literature*, LIII-II/III, 2003, 329.

можно назвать “декларацией общественной и культурной позиции”. Этот новоприобретенный публицистический пафос в полной мере отражен в риторическом вопросе “Смерть провинции или нет?” – так называлось открытое письмо А. С. Гациского Д. Л. Мордовцеву по поводу статьи последнего “Печать в провинции” (“Дело”, 1875, № 9-10).⁴² В ней Мордовцев, обосновывая свою “центростремительную” теорию, отказывал провинции в интеллектуальном и культурном резерве, способности самостоятельно развиваться, и предлагал относиться к провинции как к колониальным территориям: “На провинциях, – пишет Мордовцев, – лежит вечная забота – питать свои центры, и в свою очередь, питаться от них. <...> Все, выделяющееся из ряда, все первосортное в положительном и отрицательном смысле <...> – все это стремится в столицы и очень большие города. <...> Вот где та страшная сила, которая грозит провинциям еще большим измельчением их интересов, их деятельности, которая налагает и на их будущее что-то оцепеняющее”.⁴³ При этом очень показательно, что, оценивая интеллектуальный и прочий потенциал окраин, Мордовцев тщательно старается избегать слова *губерния*. Понятно, почему: оно уже привычно воспринимается как метонимия высокого областного начальства. Слово же *провинция* с властными структурами не ассоциируется, и в этом смысле оказывается наиболее удобным для теоретических дебатов.

В ответе А. С. Гациского также немало интересного. Он актуализует в слове *провинция* ее конфликтную семантику, обнажая коллизию *провинция* – *столица*. Это и становится смысловой доминантой статьи. Однако это традиционное противопоставление под пером Гациского, как, впрочем, под пером и других провинциальных публицистов этих лет (К. В. Лавровского, А. М. Скабичевского, Вс. Соловьева и др.), получает свежую интонационную огласовку, которую вполне можно назвать модной или, точнее, новомодной: это уверенная и жесткая интонация контраргумента. Слово *провинция* работает в этих текстах как идеологема, как культурный сигнал, вызов к полемике (в этом смысле оказывается релевантной категория единственного числа, выступающая в статье Гациского эквивалентом единой противостоящей столицам силы, тогда как Мордовцев сознательно использует лишь множественное число – *провинции*, грамматически закрепляя свою идею о раздробленности и “измельчении” провинциального пространства). В эту эпоху слово активно начинает использоваться в своей, по сути, главной социально-культурной функции – центробежной, оппозиционной по отношению к столице. В статье Гациского получает новый синоним слово “провинциал” – *областник*: “Мы-провинциалы, областники (позвольте мне употребить *это* выражение)”.⁴⁴ Появление такого неологизма тоже не случайно. Областник – это уже не провинциал в привычном для XIX в. смысле слова, это определение его новой социальной функции практика, преобразователя, деятеля провинции. В том же контексте появляется еще одно замечательное словосочетание – “областная провинциальная печать”. Никакой смысловой тавтологии: областная – значит *местная и социально активная*, провинциальная – *культурно автономная по отношению к центру*.

Особо следует сказать о пафосе, которым пронизано письмо. Это призыв к столице пересмотреть свое отношение к провинции как к сырьевому придатку и дать ей возможность свободно развиваться. Столица должна, наконец, увидеть в провинции ее особенную “физиономию” и попытаться ее понять. Петербург, пишет Гациский, с помощью провинции “додумался до необходимости изучения *народа*, но еще не додумался до необходимости исследования *провинции*” <курсив автора. – Л.З.>⁴⁵, тогда

⁴² Гациский А. С. Смерть провинции или нет? (Открытое письмо Д.Л. Мордовцеву). Н.-Новгород, 1876.

⁴³ Мордовцев Д. Л. Печать в провинции // “Дело”. СПб., 1875. № 9. С. 51, 50.

⁴⁴ Гациский А. С. Указ. соч. С. 6.

⁴⁵ Там же. С. 20.

как сама провинция блистательно справляется с этой задачей. Наблюдайте, призывает автор, “наблюдайте провинцию из своего петербургского окошка и смотрите с ужасом, как бы

... Бирнамский лес

Не двинулся на донзинанский замок...”⁴⁶

Вот этот контекст и становится тем новым смысловым пространством, которое завоевывает слово и понятие *провинция* во второй половине XIX в. С этого времени оно выступает уже как носитель специфической внутрикультурной проблематики и закрепляется в лексиконе политиков, идеологов, деятелей литературы и искусства.

Т.о. разрыв между словарным и литературно-речевым значением *провинции* оказывается к концу XIX в. колоссальным. А это означает, что активность слова изначально была выше нормативной, и поэтому каждый последующий синхронный срез устаревал уже в момент своего появления. В течение полувека слово не просто нашло свою нишу – оно освоило пограничные смысловые зоны и превратилось в динамичную, гетерогенную, семантически конформную лексему, способную, как мазок импрессиониста, распасться на множество оттенков.

Говоря о второй половине XIX в., нельзя не упомянуть о событии, радикально изменившем весь культурный ландшафт провинции и ее дальнейшую судьбу. Это крестьянская реформа 1861 г. Русская печать отреагировала на это событие бурно и неоднозначно. Однако в данном случае для нас важно другое: как отреагировало слово на произошедшие с провинцией перемены. Культурный ландшафт провинции традиционно складывался из трех взаимодействующих миров – деревни, усадьбы и уездного/губернского города. Реформа изменила всё: патриархальный деревенский уклад, инфраструктуру провинциальных городов, ставших вскоре очагами социальной и политической нестабильности и мир дворянской усадьбы – ее ждало обнищание и разорение. Все эти события нашли отражение в резком расширении спектра пейоративных значений понятия *провинция*. С этого момента, с конца XIX в., в словосочетании “русская провинция” уже всегда будут присутствовать два взаимоисключающих, но, тем не менее, неразрывно связанных друг с другом смысла – убогого никчемного захолустья и потерянного рая. О том, как этот образ адаптировался массовой культурой рубежа веков, можно судить по любопытному этимологическому экзерсису, появившемуся в одном из мелких периодических изданий начала века, журнале “Провинция, что в ней думают и делают”: “Про-вин-ция! Вы подумайте – слово какое! Провинностей-то, провинностей на ней сколько! И она сама виновата, и перед нею виноваты! И Петербург как перед нею виноват!...”⁴⁷ Этот опыт культурной этимологии соответствовал тому, что носилось в воздухе, и вполне мог претендовать на новое *bon mot*. Журнал всеми силами пытался потрогать столичным умонастроением, о чем, в частности, и свидетельствует процитированный пассаж: это популяризованная интерпретация пассаистических идей, охвативших в эти годы образованную часть русского общества, идей, связанных с ощущением безвозвратно ушедшей в небытие культуры, комплексом исторической вины, попытками сохранить уцелевшее...

Пассеизм стал этапом, завершившим процесс кристаллизации понятия *провинция* в досоветскую эпоху. Это был важный этап, давший провинциальному топосу новый масштаб, культурологическую глубину: провинция в этот период впервые начинает осмысляться как историко-культурный феномен. Литература и искусство Серебряного века вышли на новый уровень художественной рефлексии, одним из завоеваний которой явилось обостренное чувство стиля. Это привело к еще одной важной метаморфозе, произошедшей с понятием *провинция*: оно раскололось на

⁴⁶ Там же. С. 12.

⁴⁷ “Провинция, что в ней думают и делают”. Т.1. Январь. СПб., 1905. С. 5.

“ядро” и “оболочку” – провинцию как объект описания и “провинцию” как стиль, язык описания. Речь идет о выработанных пассажами приемах художественной стилизации, способных, по их мнению, отразить “душу” провинции. Созданный писателями и художниками начала века “провинциальный миф”, по сути дела, ни что иное, как точно выверенный сюжетно-стилистический комплекс (ср. материалы журналов “Старые годы”, “Столица и усадьба”, творчество Сологуба и Бунина, “провинциальные” стилизации Борисова-Мусатова, Кустодиева и т.д.).

Яркой иллюстрацией этих тенденций может служить разгоревшаяся в 1911-1912 гг. очередная журнальная полемика о культурной судьбе провинции, аналогичная предыдущей, но уже с обратными знаками. На этот раз столица призывала провинцию к самоидентификации и поискам собственной самобытности, тогда как провинция желала идти в ногу с “мировым прогрессом”. Следуя приоритетам эпохи, баталии развернулись на ниве провинциального зодчества. Дискуссию открыл известный столичный искусствовед Г. К. Лукомский, выступивший на страницах журнала “Зодчий” с подробным критическим разбором провинциальной архитектуры, предлагая провинции вернуться к чистым формам отечественного ампира.⁴⁸ Провинция же, в лице уфимского архитектора К. Гуськова и гражданского инженера Н. Лермонтова, не поспевая за столичными веяниями, отстаивала свое право следовать нормам современного градостроительства: “Копирование отдельных деталей памятников зодчества прошедшей эпохи едва ли будет служить залогом прогресса”, – отвечал К. Гуськов столичному критику.⁴⁹ “Автор, – иронически продолжал Н. Лермонтов о Лукомском, – много из этой казенной красоты <“времен Аракчеева и Клейнмихеля”. – Л.З.> показывает на своих фотографиях; пропустил почему-то полосатый шлагбаум и будку часового, но, вероятно, в последствии и это восполнит”.⁵⁰ Реакция Лукомского последовала незамедлительно: “Но зачем же <...> г. Лермонтов взывает ко всей архитектурной провинциальной России, чтобы она сказала мне, что красота не в одном ампире? И зачем же ссылка на полосатую будку и шлагбаум? Я приглашаю г. Лермонтова, как художника – я знаю его и как такового – посмотреть в г. Острове, Псковской губернии, у старого моста – разве не полон очаровательной картинности именно этот случайно сохранившийся ансамбль с будкой и шлагбаумом, ансамбль, на этот раз характеризующий собою именно прелесть “провинциализма””.⁵¹ Другими словами, столица призывает провинцию, всеми силами стремящуюся не отстать от времени, стилизоваться под свое прошлое. Этот обмен репликами отражает главное, что происходит с понятием *провинция* в эти годы: провинция начинает пониматься как культурный “текст”. Это очень хорошо видно по ответу Лукомского, ориентированного на эстетическое и “семиотическое” восприятие объекта, он как будто не замечает, что говорит со своими оппонентами на разных языках – от чуждого провинции умиления “местным колоритом” (“прелесть”, “очаровательная”) до салонной установки на “картинность”. Выплеснувшийся на страницы “Зодчего” профессиональный конфликт предельно точно отражал спровоцированное эпохой изменение (расслоение) провинциального дискурса: провинция наделяется определенной художественной спецификой, поэтическим языком, и таким образом переходит в разряд эстетических феноменов, культурных «мифов».⁵²

С этим багажом понятие *провинция* и подошло к очередному рубежу в истории России. В конце 1920-х гг. правительственным указом старые названия

⁴⁸ См.: Лукомский Г. О прошлом и современном состоянии провинциальной художественной архитектуры // “Зодчий”. № 52. СПб., 1911. С. 545-555.

⁴⁹ См.: Гуськов К., Лермонтов Н. Отклики провинции на мнение о ней столицы // Там же. 1912. № 7. С. 58.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Лукомский Г. Ответ столицы на “провинциальные отклики” // “Зодчий”. № 10. 1912. С. 89.

⁵² Подробно см.: Зайонц О.Л. Русский провинциальный “миф” (к проблеме культурной типологии) // Геопанорама русской культуры: провинция и ее локальные тексты. М., 2004. С. 427-456.

территориальных подразделений были заменены новыми: вместо уезда и губернии появились район и область/край. Что же касается провинции, то здесь предстояло разобраться со всей предшествующей эпохой. Это оказалось несложно: к ней просто исчез интерес, и буквально за десятилетие понятие *провинция*, как и многое другое, перешло в разряд анахронизмов. Слово продолжало бытовать в языке, но уже с выхолощенной семантикой, т.к. стремительно исчезала питавшая его реальность. На ее месте возводилась новая, свободная от предрассудков и пережитков прошлого. Она требовала нового названия. Вскоре такое название было найдено: в 1937 г. в главном печатном органе страны газете “Правда” появилась статья под названием “Периферия”. Эпиграф к статье гласил: “– Провинция, это где? – Нигде... Ее Гоголь выдумал. (Из разговора третьеклассников)”. В качестве образца “преображенной” провинции был выбран Муром, жители которого, в основном интеллигенция (!), ни словом “не намекнули, что скучна, однообразна жизнь в районном центре. Даже крепко поругивая Муром, ни один из этих людей не произнес обидных слов – провинция, глушь, захолустье, столь употребительных прежде по отношению к уездным городам. Нет захолустья, – утверждала статья.– Есть периферия, где люди работают так же настойчиво, дружно самоотверженно, как и в центре. Что же до «унылого слова “провинция”», то оно «потеряло право на местожительство в нашей стране. Когда сегодня хотят упомянуть о пунктах, отдаленных от центра, говорят – периферия. Это точное, никому не обидное слово».⁵³

В очередной раз *провинция* изымалась из официального словаря. Но язык вновь приберег слово, удивительным образом не позволив ему состариться и занять почетное место в ряду архаизмов: слишком плотной оказалась его лексическая и историческая память, чтобы безропотно уступить агрессивной стихии новояза. Включив режим «ожидания», слово *провинция* благополучно пережило остаток XX в. в группе краеведческих терминов и умеренно пейоративной лексики. Сейчас оно, как и два столетия назад, демонстрирует свою поразительную «витальность», чутко реагируя на смену декораций. Время предлагает ему новые роли — это и есть его стихия, но есть и константа: лексема оказалась носителем глубинной для русского сознания культурной антиномии, всегда востребованной в империи и всегда работавшей на ее историю.

⁵³ Диковский С. Периферия // Правда. 1937. № 57. 27 февраля. С. 4